

Весной 1954 года меня познакомил с Б.В. милейший человек – Марк Семенович Волынский, наш общий многолетний друг и товарищ по работе в НИИ-1 Минавиапрома. После этого мне довелось работать рядом с Б.В. в период 1954-60 гг., когда я видел его практически ежедневно (впоследствии и до конца жизни Б.В. я встречался с ним только эпизодически).

В мае 1954 года в НИИ-1 по предложению его научного руководителя М.В. Келдыша была образована лаборатория № 6 во главе с К.П. Осмининым. Основной задачей ставилась (совместная с институтом математики АН СССР, возглавляемым тем же акад. Келдышем) разведка перспектив развития ракетной техники в стране и в мире. Начальником отдела № 3 лаборатории был назначен к.т.н. Раушенбах, до того – с момента приезда в Москву с Урала – работавший в другой лаборатории НИИ-1.

Отдел, в начале состоявший из пяти человек, включая начальника и меня, должен был заниматься динамикой полета и управлением ракетных систем. Надо сказать, что на прежнем месте работы Б.В. углубился в совершенно иную область технической науки – исследование горения в ракетном двигателе. При этом, будучи старшим научным сотрудником, он не выполнял никаких административных функций. Стиль руководства Б.В. был очень нетипичным и проявился сразу: начальник не давал указаний и не делал замечаний. Он вел себя с естественной демократичностью, хотя едва ощутимый внутренний барьер не исчезал в нем почти никогда. Б.В. руководил, как бы и не руководя вовсе, путем обсуждения вопросов и высказывания своего суждения. При этом он буквально с двух слов разговора «врубался» в глубинную сущность темы.

Приходя в комнату, где сидели сотрудники отдела, начальник, всегда занятый человек, часто садился за чтение лежащей на столе какой-нибудь старой газеты. Эта странность, замеченная многими, имела, как мне кажется, простое объяснение. Б.В. деликатно «подставлялся» под вопросы, под возможное желание посоветоваться или, наоборот, рассказать о полученных результатах со стороны сотрудников, не желая ничего этого им навязывать.

Ровно вежливый и приветливый в общении со всеми, и хорошими и не очень, Б.В. иногда смешно имитировал угрюмо-напряженные физиономии людей, имевших обыкновение разводить демагогию или толочь воду в ступе. При этом он практически ни о ком дурно не говорил, обходясь в крайнем случае как самым сильным неодобрением словом «дурость» или каким-нибудь его синонимом.

В то время Марк Семенович и я в обеденный перерыв обычно совершали прогулку по расположенному рядом с НИИ Тимирязевскому детскому парку. К так называемому «гулятельно-созидательному процессу» любил присоединиться при возможности и Б.В.. В непринужденном трепе, сопровождавшем обороты вокруг пруда, не обходилось, конечно, без политической тематики. Крамольные выпады против властей в сатирическом духе исходили большей частью от меня и никогда от Б.В.. Но слушал он смешную антисоветчину не только без особых возражений, но, как мне казалось, с интересом, что и поощряло мою дерзость. Я объяснял себе его скромность тяжелыми событиями его биографии.

Кстати, о других особенностях общения с Б.В.. Не припоминаю в его устах каких-нибудь острот – вероятно, это было ему не свойственно (разве что изредка пересказать понравившийся анекдот). Однако чувство юмора безусловно было ему присуще: он охотно смеялся над смешным рассказом, находил и отмечал юмор в возникавших ситуациях. О том же говорит наше общее тогда увлечение отличным юмором А.К. Толстого: его стихами и особенно смехотворно глубокомысленными афоризмами Козьмы Пруткина. Мы помнили их наизусть и в какой-то период цитатами из них были буквально пересыпаны внеслужебные разговоры.

На ту же тему вспоминается еще одна мелочь. В одной из комнат отдела нами был вывешен на стену лист под названием «скрижали». Сотрудники отдела приглашались заносить на них любые хохмы, нелепые высказывания, забавные случаи, что и делалось. Завернув за чем-нибудь в комнату, Б.В. всегда просматривал свежие записи на скрижалях.

Между тем под крылом либерального начальника и в эйфории общей «оттепели», наступившей после смерти Сталина, в отделе воцарилась атмосфера раскованности и творческого подъема. Молодые сотрудники – а других в отделе не было – прибавляли на глазах, а вместе с ними, только с опережением, овладевал новой для себя и расширяющейся тематикой сам Б.В.. Он генерировал идеи и раздавал их налево и направо. Численность отдела росла как бы сама собой, поскольку проблемы, атмосфера, да и личное поле Б.В. привлекали способную молодежь. Привлечению так же способствовала преподавательская деятельность Б.В. в МФТИ.

Однако рост этот шел только под конкретные задачи и число сотрудников всегда немного отставало от объема работ, так что дела всем хватало. К первоначальной кучке из пяти «разведчиков» последовательно присоединялись Б. Скотников, В. Легостаев, Д. Князев, Е.

Токарь, Е. Башкин, Ю. Спаржин, В. Бранец, А. Пацюра, А. Елисеев и другие, многие из которых вписали свое имя в историю ракетной техники и космонавтики.

К 1960 году величина отдела достигла «критической массы», поле деятельности вышло далеко за пределы тематики НИИ-1, а выполняемые работы приобрели опытно-конструкторский характер. Вследствие этого отдел был переведен в ЦКБЭМ, то есть, как тогда говорили, в Подлипки к Королеву, и там, продолжая расти, начал делиться на части.

Я же остался работать в отделе № 3 лаборатории № 6 НИИ-1 и лишь в качестве командированного ездил по делу в Подлипки.

Вопрос: Не могли бы Вы отметить какие-то человеческие черты или даже черточки, специфичные для Б.В.?

Ну, к ним я бы отнес, может быть прежде всего, обостренный интерес, даже любопытство к новому, к тому что незнакомо, еще не опробовано. С уходом новизны интерес пропадал. Вот несколько примеров.

В середине пятидесятых годов Б.В. и я почти одновременно купили по автомашине, что было в то время редкостью. В начале от собственного «Москвича – 401» была масса впечатлений. Периодически ездили по утрам в район Павелецкого вокзала, где оставляли свои машины на техобслуживание, а по вечерам там же получали их обслуженными и натертыми до блеска. Учились управлять и обменивались опытом. Однако, не прошло и двух сезонов, как вождение наскучило Б.В.. За рулем и на Павелецком все чаще оказывался Дима Князев, сотрудник отдела и водитель-фанат. А Б.В. объяснил, что ему интереснее теперь «почитать книжицу в трамвае».

Или другая иллюстрация того же свойства. Б.В., мало склонный к алкоголю и не куривший к началу нашего знакомства, всегда готов был выкурить одну сигарету новой марки или продегустировать новый для себя напиток. А однажды летом, по возвращению в город из местной командировки, мы специально отправились в Парк Горького, чтобы посетить открывшееся чехословацкое кафе. Там впервые в Москве угощали пражскими шпикачками и чешским пивом, и Б.В. просто не мог отказать себе в удовольствии попробовать и то, и другое.

Вспоминается в связи с этой темой еще один эпизод. Зимой 1956 года Б.В. и я провели 24 дня в пансионате «Красная Пахра», занимая двухместный номер. Там мы познакомились с супружеской парой, причем оба были довольно известными литераторами и интересными людьми. Они отдыхали в компании еще двух интеллектуальных дам, своих друзей. (Одна из дам иногда ласково называла супругов «мои птенчики», каковая подпольная кличка и прилипла к ним навсегда в нашем обиходе.) Компания по вечерам играла вчетвером в холле в красивую на вид и азартную китайскую игру «маджонг», нам в то время незнакомую. Научившись правилам игры путем наблюдения, мы с Б.В. заменили во второй половине отдыха уехавших дам и усовершенствовались под руководством «птенчиков».

По приезду в Москву мы побывали 2-3 раза у них в гостях, а затем Раушенбахи приобрели в комиссионном собственнй маджонг (или, как более верно по-китайски, «мадзян»). После освоения игры интерес к ней у Б.В. упал, а мне довелось играть в нее уже с Верой Михайловной у наших общих знакомых.

Наконец, приведу пример, когда тот же постоянный поиск новизны проявил себя в более серьезном деле. Однажды, мне кажется, в конце семидесятых, при почти случайной встрече произошел откровенный разговор. Б.В. сказал мне, что интересные ему прежде разработки в ЦКБ перешли в русло, которое он воспринимает как рутинное. А «таскать в клюве бумажки из кабинета в кабинет» и терять на это время ему наскучило. Поэтому он решил уйти из ЦКБЭМ и принять кафедру теоретической механики в МФТИ. Такое дело и само по себе ему интересно и освобождает время для подготовки плацдарма в новой области. Таким образом Б.В. оставался верным себе и в малом и в большом масштабе.

Вопрос: Какие еще индивидуальные особенности Б.В. Вы бы отметили?

Очень характерной для него чертой было его стремление и умение уходить от конфликтов, столкновений и даже просто споров. Проиллюстрирую несколькими примерами.

Когда Б.В. защищал у себя в НИИ-1 докторскую диссертацию, и оппоненты, и ученый совет были настроены к нему вполне благожелательно. Однако в ходе обсуждения диссертант подвергся пристрастной критике со стороны представителя смежного института, работавшего по той же тематике. Надо было слышать с какой сдержанностью Б.В. отвечал на придиричвые вопросы и замечания, неизменно толкуя их в лучшем возможном смысле.

Другой случай. Из ЦАГИ прислали на отзыв в отдел кандидатскую диссертацию. Прочитав работу, я нашел в ней ошибки, ставящие под большое сомнение полученный результат. На это

Б.В. сказал примерно так: «Все равно эту диссертацию утвердят. Давайте дадим кислый отзыв, но без отрицательного вывода. Не стоит связываться.»

Третий случай. Из печати вышла монография, где придуманный и запатентованный мною метод моделирования был ошибочно приписан другому автору. Узнав об этом, Б.В. сказал: «Плюньте Вы на это дело: нет смысла тратить время на кляузы.»

А вот забавная история, в которой ярко проявилась бесконфликтность Б.В. и всегдашний уход от «мышинной возни». Борьба за трудовую дисциплину проходила в советские времена волнообразно, с подъемами и спадами. Во время одного из подъемов борьбы три сотрудника отдела имели неосторожность задержаться в столовой и опоздать с обеда. Мало того, затребованная объяснительная записка была составлена ими в юмористическом духе, с условными обозначениями и ссылками на литературу. Бдительные и серьезные товарищи подняли вопрос на принципиальную высоту, вынесли на партбюро, потребовали сурового наказания.

Руководитель отдела Б.В. ухитрился не проронить по этому поводу ни слова: по-видимому, он гасил страсти где-то за кулисами. Зато, когда катавасия закончилась (почти вничью), попросил на небольшое время пресловутую объяснительную со словами: «Я рассказал о ней Лихущину (директору НИИ-1), он очень смеялся и просил показать ему записку».

Осторожное миролюбие Б.В. нашло однажды отражение в стенной печати. К Новому году в стенгазете полагался юмор, и одна из юморесок представляла собой вымышленные ответы на : «Сколько будет дважды два?» Вопрос, якобы, задавался руководящим сотрудникам лаборатории и приписанные им ответы должны были отражать их характер. Правильный ответ, $2 \times 2 = 4$, дал только Б.В., добавив: «Не стоит трубить об этом, чтобы не дразнить гусей. Плюньте вы на это дело».

Вопрос: Должно быть Вы не раз слушали доклады, лекции, выступления Б.В.. Чтобы Вы могли сказать о них?

Выступления Б.В. по научной тематике отличались, я бы сказал, тремя особенностями стиля: умением максимально просто объяснять самое сложное, строгой логикой изложения и нулевым градусом эмоциональности. Я приведу только один пример, наиболее яркий с моей точки зрения. Это цикл из четырех лекций, прочитанных в музее им. Пушкина по просьбе дирекции музея. Темой цикла стали результаты исследований автора по передаче перспективы в изобразительном искусстве.

Работы по самой своей сути имеют математический характер, хотя все примеры приложения, естественно, представлены живописью. Аудиторию же составляли главным образом музейные работники, то есть категория людей, чуть ли не самых далеких от математики. Лектор не допускал отклонений от темы и ничем не развлекал слушателей.

Однако, на всех лекциях зал был полон и тишина была абсолютная. В чем лежит объяснение феномена? Именно и только в стиле, присущем Б.В.. Следить за развитием логической мысли человека, глубоко проникшего в предмет и потому знающего о нем намного больше, чем он выкладывает, оказалось увлекательным занятием для аудитории. А недостатки в математической подготовке слушателей, видимо, компенсировались популяризаторским мастерством лектора. Причем, как лично могу засвидетельствовать, без ущерба для строгости рассуждений.

Вопрос: Вы видели Бориса Викторовича в разных обстоятельствах. Как бы Вы могли охарактеризовать тот человеческий тип, к которому он принадлежал?

Из всех встреченных мною за долгие годы людей Б.В., пожалуй, наиболее близок к тому редкому сочетанию человеческих свойств, которое в моем понимании отличает прирожденного философа. Это никак не связано с интересом к философии или со склонностью к философствованию, а лишь со складом ума и характера.

Б.В. как прирожденного философа отличали такие особенности:

- идеальное владение собой, своими эмоциями и рефлексам;
- спокойное отношение к тому, за чем столь часто и алчно гонятся люди – к званиям, наградам, славе, авторству – и полное отсутствие не то что суеты, но и какой-либо активности в этих направлениях;
- сдержанность и скупость в упоминании о своих успехах, заслугах, талантах, с одной стороны, и в суждениях о грехах близких, с другой;
- демократичная простота поведения и равная доброжелательность в общении с любым человеком, будь он техником или академиком;
- отсутствие в лексиконе громких слов и крайних суждений.

Таким образом, кроме всем известного яркого таланта в науке, природа наделила Б.В. еще и примечательнейшими чертами характера, достойными античного философа. А может быть вернее сказать, что эти черты он выработал в себе сам, а что касается вклада Всевышнего, то он «всего лишь» наградил Б.В. безошибочным нравственным чутьем и незаурядной волей.